

УДК 821.161.1.09 «20/21»

Крылова С.В.

*Московский государственный областной университет
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация*

ОБРАЗ РЕВОЛЮЦИИ В ПОЭЗИИ РУБЕЖА XX–XXI ВВ.

Аннотация. В статье проанализировано отношение поэтов рубежа XX–XXI вв. к Октябрьской революции. В годы Перестройки мы видим однозначное её отрицание в знаменитых рок-текстах Юрия Шевчука, Бориса Гребенщикова, Александра Башлачёва. В 2010-е гг. современные поэты «левых» и «правых» журналов демонстрируют разнонаправленные точки зрения воспевания и отторжения революционных идеалов. С точки зрения автора, центральным в восприятии революционного прошлого становится мотив напряжённого размышления о русской трагической истории, безусловно, благотворный для русского национального самосознания.

Ключевые слова: Юрий Шевчук, Борис Гребенщиков, Александр Башлачёв, Александр Городницкий, Виктор Верстаков, Пётр Матюков, Екатерина Полумискова.

S. Krylova

*Moscow Regional State University
10A, Radio St., Moscow, 105005, Russian Federation*

THE IMAGE OF THE REVOLUTION IN POETRY AT THE TURN OF THE XX–XXI CENTURIES

Abstract. The paper analyzes the attitude of foreign poets of the XX–XXI centuries to the October revolution. In the years of Perestroika there is an explicit negation of its image in famous rock-texts by Yuri Shevchuk, Boris Grebenshikov, Alexander Bashlachjov. In 2010s modern poets of the “left” and “right-wing” journals show multidirectional viewpoint on glorifying and rejecting the revolutionary ideals. And yet the motif of intense consideration about the tragic history of Russia becomes central to the perception of the revolutionary past, which is certainly beneficial for the Russian national self-consciousness.

Key words: Yury Shevchuk, Boris Grebenshchikov, Alexander Bashlachev, Alexander Gorodnitsky, Victor Verstavkov, Peter Matyukov, Ekaterina Polumiskova.

Переоценка революции, начавшаяся в годы Перестройки, разделила писательское сообщество на два лагеря: защитников её идеалов и срывателей масок. Ведущим трендом перестроечной эпохи был, разумеется, разо-

блачительный пафос. Сейчас, в юбилейный для революции год, спектр поэтических оценок значительно поменялся. Цель статьи – проанализировать наиболее яркие стихи 1990-х и 2010-х гг., в которых революционная тема обнажает авторскую идеологию. Что изменилось в поэтической оценке революции за тридцать постсоветских лет? Благоприятны ли эти изменения для русского национального самосознания?

Самым громким и заметным в русской поэзии тогда стал социальный рок. Нашумевшая песня **Юрия Шевчука** (р. 1957) так и называлась – «*Революция*» (1987). Её смысловые акценты совпадали с зовом времени, а сама рычащая, протестная манера исполнения вызывала бурную ответную реакцию:

Два пальца вверх – это победа!
И это – два пальца в глаза.
Мы бьёмся насмерть во вторник за среду,
Но не понимаем уже четверга [10].

Обратите внимание на яркость и ярость уже первого куплета. Здесь в одну ударную волну включены жест, который сопровождает обычно взрывные настроения толпы («два пальца вверх»), и жест прямой агрессии против личности («два пальца в глаза»). Шевчук видит, что главной чертой революционного сознания является близость полярных настроений: от предвкушения победы к насилию над человеком – дело только в направлении движения руки. А рядом – фиксация не внешнего, а внутреннего движения души, вовлечённой в революцию. Она дана уже не через жест, а через временные параметры: если люди, насмерть бившиеся во вторник и среду, «не понимают уже четверга», значит, в самом процессе борьбы теряется её смысл. По меткой оценке профессора Л.Ф. Алексеевой, в революционные времена «люди, одержимые страстями взаимной политической и социальной ненависти, вышли на авансцену истории» [1, с. 59].

Темпераментный припев шевчуковского хита обычно исполнялся с участием зрителей, словно мини-диалог:

В этом мире того, что хотелось бы нам,
НЕТ!
Мы верим, что в силах его изменить –
ДА! [10].

Здесь и механизм революционной мотивации (недовольство), и самонадеянность переделывателей всех мастей («в силах его изменить»). Литерический герой песни берёт на себя право прямого обращения к революции – явлению социальному: «Но, революция, ты научила нас / Верить в несправедливость добра. / Сколько миров мы сжигаем в час / Во имя тво-

его святого костра?» [10]. В последних четырёх строках припева заключён философский и нравственный итог раздумий неравнодушного рок-поэта о революционной борьбе и её адептах. Несмотря на эпитет «святой», в песне прозвучала жёсткая оценка страшных катаклизмов русской истории XX в.: итог революции – пепелище.

Шевчук сумел придать своему тексту притчевую форму – крайне скупыми, но понятными средствами. Например, строки: «Человечье мясо сладко на вкус. / Это знают иуды блокадных зим. / Что вам на завтрак? Опять Иисус? / Ешьте, но знайте – мы вас не простим!» [10] – говорят о *любой* блокаде, не только о ленинградской. Ведь речь идёт не о физическом, а о духовном людоедстве. А припев и само название песни это понятие – блокада – вводят в ассоциативное поле революции. Иисус, многократно поданный на завтрак, – такова странная метафора революционного экстремизма, который вновь порождает ненависть («мы вас не простим!»).

То же самое происходит с ещё одним знаковым словом эпохи – «Афганистан»: «И что же нам делать? О чём же нам петь? / Над чьими плечами моя голова? / Сколько афгани стоит смерть? / Если чья-то жизнь не права?» [10]. Рок-поэт видит, что в эпоху революции принципиально невозможна частная жизнь и что за произвол в решении, кому жить, кого убивать, когда-то придётся дать ответ. Парадоксальный, оксюморонный образ несправедливого добра, революционной неправоты стал главным смысловым густком песни.

В этом же, 1987 г., неожиданно для себя пишет свой остросоциальный текст и принципиально аполитичный **Борис Гребенщиков** (БГ) (р. 1953). Получился рок-шлягер «*Поезд в огне*». Название ассоциативно ведёт к советской революционной символике: к знаменитой агитационной песне «Наш паровоз вперёд летит...», к ивановскому «Бронепоезду 14-69» и даже к запломбированному вагону, в котором привезли из Германии вождя революции... Спустя 20 лет БГ так отзывался о песне: «Туда, к сожалению, проникло больше социальности, чем мне хотелось. Потому что тогда социальность настолько пёрла на меня изо всех щелей, что я просто не мог не реагировать на неё» [5].

Песня Гребенщикова зафиксировала усталость общества от революционной борьбы, которую 70 лет пропагандировало советское государство. Да и от синдрома борьбы вообще. Неслучайно в самом начале песни, в появлении полковника Васина на фронте подчёркнуто сугубо частное обстоятельство:

Полковник Васин приехал на фронт
Со своей молодой женой

Полковник Васин созвал свой полк
И сказал им: Пойдём домой!
Мы ведём войну уже семьдесят лет,
Нас учили, что жизнь – это бой,
Но по новым данным разведки
Мы воевали сами с собой [5].

Революция – это война нации с самой собой. Таков ещё один вариант оценки, предложенной русской рок-поэзией в годы Перестройки. Лейтмотивом песни становится припев:

Этот поезд в огне,
И нам не на что больше жать.
Этот поезд в огне,
И нам некуда больше бежать.
Эта земля была нашей,
Пока мы не увязли в борьбе,
Она умрет, если будет ничьей.
Пора вернуть эту землю себе [5].

Герой для себя уже всё решил: вместо борьбы, войны – «вернуть эту землю себе», «вернуться домой». И хотя все ассоциации этого текста связаны не с революцией, а с войной, смысл её однозначен: надо не бороться, а созидать. «Пока мы не увязли в борьбе» – обычно так говорят о болоте. Кстати, идея духовного людоедства, звучащая в «Революции» Шевчука, параллельно возникла и здесь: «Я видел генералов, / Они пьют и едят нашу смерть...». Мотив возмездия за борьбу у Гребенщикова реализуется в судьбах генеральского потомства: «Их дети сходят с ума / От того, что им нечего больше хотеть» [5]. Если у Шевчука революционная лавина захватывает все слои общества, то Гребенщиков делит его на жертв и палачей. Палачи расплачиваются за насилие судьбами своих пресыщенных детей, но это не значит, что дети жертв в безопасности: «И люди, стрелявшие в наших отцов, / Строят планы на наших детей» [5].

Всего 30 лет назад, когда Россия вновь меняла свой уклад, рок-барду этот процесс казался освобождением от страха, возвращением к чему-то родному: «Нас рожали под звуки маршей, / Нас пугали тюрьмой. / Но хватит ползать на брюхе – / Мы уже возвратились домой» [5]. Теперь Гребенщиков пишет другие стихи...

Ещё один мощный рок-текст Перестройки на революционную тему – «*Петербургская свадьба*» (1989) **Александра Башлачёва** (1960-1988). Центральная метафора стихотворения блестяще прокомментирована исследователем русской поэзии В.В. Лосевым: «В Петербурге, по Башлачёву, в 1917 году

была сыграна насильственная „свадьба” большевизма с Россией (заметим, что Россия-„невеста” – традиционный мотив русской поэзии, как и Россия-„мать” – С.К.). „Этапы” этого действия автор обозначает уникальными по своей семантической и эмоциональной насыщенности аллюзиями» [7, с. 390].

Русская свадьба изображена у Башлачёва как разбойная попойка с дракой, изнасилованием невесты и отвоёванным правом на непотребство:

Там шла борьба на смерть. Они дрались за место
И право наблеть за свадебным столом.
Стремясь стать сразу всем, насилуя невесту,
Стреляли наугад и лезли напролом [2].

Башлачёв всегда умел заставляя звучать по-новому русские идиомы и привычные микроцитаты. Из фразеологизма «борьба не на жизнь, а на смерть» выбрана только вторая часть. Слова из «Интернационала» «Кто был ничем, тот станет всем» выстреливают здесь в противоположную сторону: никто становится «сразу всем» только через преступление... Собственно, две последние строки процитированного катрена – образ перевернувшейся России, подвергшейся нападению восставшей черни.

Кровавый след революции отражается в её символике, растиражированной в советское время: знамёнах и алых бантах, которые было принято носить на демонстрации. У Башлачёва флаги названы «брачными простынями» (народный обычай выставлять напоказ кровавую простыню после первой брачной ночи в подтверждение девственности невесты), и в этом есть нечто постыдное, греховное:

Под радиоудар московского набата
На брачных простынях, что сохнут по углам,
Развернутая кровь, как символ страстной даты,
Смешается в вине с грехами пополам [2].

В вине-напитке? Или вине-чувстве? И в том, и в другом. По меткому слову В. Лосева, «лирический герой и его собеседник – не наблюдатели, не „историки”, но органические частицы русской истории, несущие её в себе» [6]. Вся «Петербургская свадьба», таким образом, песня о мучительном переживании кровавой истории России. «Мой друг, иные здесь. От них мы недалеко. <...> Хранила б нас беда, как мы её храним» [2]. Память о революции, о её боли и последствиях – это всегда страдание, мученичество: «Но память рвётся в бой. И крутится, как счётчик, / Снижаясь над тобой и пре-вращаясь в нимб» [2].

Память–счётчик–нимб... Башлачёв взял самую высокую ноту в осмыслении революционного слома России. Его стихотворение и теперь читается как акт одухотворённой исторической интуиции.

Теперь обратимся к стихам, помещённым в толстых журналах 2017, юбилейного года. Имя **Александра Моисеевича Городницкого** (р. 1933) не нуждается в представлении. Поэт, бард, учёный-геофизик, доктор геолого-минералогических наук, профессор, член Российской академии естественных наук, один из основоположников авторской песни. В февральском номере «Невы» вышла подборка его стихов, половина из которых отражает своеобразную эволюцию, которую прошло поколение детей 1930-х гг.: от любви к революции до её отрицания.

Первое стихотворение – «*Стихи о революции*» – предваряет эпиграф из «Оды революции» Маяковского, где обывательские проклятия противопоставлены «поэтовым» благословениям. Уже его начало убеждает, что в сердцах поколения 1930-х гг. победил Маяковский:

От песков каракумских до речки арктической Колы,
От кубанских степей до норильских холодных широт,
Мы любовь к революции в сердце впитали со школы,
За нее принимая Октябрьский переворот [4, с. 3].

Как видим, смена взглядов отразилась и на смене лексики: переворотом Октябрь называли белогвардейцы, а в либеральных кругах постсоветского пространства это слово укоренилось с конца 1980-х гг. Идея подмены, ложных ценностей всё же не вытесняет у поэта очарования юности: «Вспоминаю теперь те наивные юные годы, / Я нисколько за них не испытываю стыда...» [4, с. 3]. Несмотря на ГУЛАГ и стукачество, сама идея освещала жизнь людей: «И любовь к революции тлела в моём поколенье, / Как в торфяниках тлеет невидимый сверху огонь». Поэт вспоминает и про знаменитое русское долготерпение, и про пушкинскую фразу о бессмысленном и беспощадном бунте. Стихотворение заканчивается антиреволюционной риторикой:

Я надеждой живу, что на завтра беда не случится,
Потому что я понял, как истина ни тяжела:
Революция – это убийства, разбой, и бесчинства,
И возврат тирании, что хуже, чем прежде, была [4, с. 3].

Со «Стихами о революции» созвучно стихотворение «*Любимые поэты*» (даже размер у этих текстов – пятистопный анапест – общий). В нём лирический герой предьявляет нравственный счёт не только своему, но и революционному поэтическому поколению:

В покаянии позднем для нас оправдания нету.
Мы шагали в строю и кричали злодеям «Ура!»
Виноваты Багрицкий, Светлов и другие поэты,
Что воспели убийство как высшую степень добра [4, с. 4].

В чём их вина? Ведь «сами они никого не убили ни разу». А в том, что «расстрельные после подписывали приказы / Те, кто в детстве стихи их заучивали наизусть» [4, с. 4]. Автор приводит неточную цитату знаменитых строк Багрицкого («Если надо, солги», и ещё: «Если надо, убей» [4, с. 4]) и даёт им оценочное определение – «проклятые». В финале стихотворения преступление словом приравнено к преступлению делом. Такого рода сближения не редкость в русской литературе. Однако в устах бывшего комсомольца, которому суждено было пережить столько катаклизмов, они звучат особенно убедительно: «Тот, кто звал убивать, перед Богом в таком же ответе, / Как и тот конвоир, что уже передернул затвор» [4, с. 5].

Но самым задушевым в журнальной подборке на революционную тему стало, думается, стихотворение «Савва Морозов». Оно выполнено как авторский монолог, обращённый к противоречивой и яркой фигуре русского предпринимателя. Лейтмотивом этого текста, который, вероятно, ещё станет одной из авторских песен мастера, является призыв «Ах, Морозов дорогой, Савва, / Не давай большевикам деньги» [4, с. 3]. Поэт едва касается драматических эпизодов из жизни Морозова: его неудачного любовного соперничества с Горьким, душевной болезни, трагической смерти. Обращение к герою прошлого на ты создаёт особую интимную интонацию (быть может, отчасти даже панибратскую), покрываемую, впрочем, чувством грусти и сожаления по поводу загубленной жизни талантливого, щедрого человека. Революционная тема затронута здесь через оценку деятельности большевиков:

Над Россию рассвет мрачен,
И тревожно голосит кочет.
Кто убийствами свой путь начал,
Тот убийствами его кончит.
Могут пламенные их идеи
Только племя умножать вдовье.
Не давай большевикам денег,
Всю страну они зальют кровью [4, с. 3].

Итак, в журналах либерального толка отношение к революции как к кровавой бойне сохранилось вплоть до юбилейного года.

Обратимся к «левым», условно говоря, журналам. Уже в 12 номере «Нашего современника» за 2016 г. найдём несколько текстов с революционными мотивами. Они принадлежат совершенно разным поэтам и отчасти отражают иной, полярный либеральным проклятиям взгляд на революционное прошлое.

Например, стихотворение со странным названием «Побиск» открывает подборку стихов поэта и полковника запаса **Виктора Верстакова**

(р. 1951). Люди XXI в. иногда и не помнят уже, что в XX в. была мода на редкие имена, восходящие к аббревиатурам: Марлен, Динэра, Драздраперма... В стихотворении «Побиск» дан краткий портрет разведчика-фронтовика, прошедшего бериевские лагеря – аскетичного, пламенного, погружённого в диалектику, которую автор называет весьма пафосно «наукой святой». В конце стихотворения описаны горькие слёзы этого мужественного человека: «Слушай, Витька, ведь предали нас...» [3, с. 22]. Обманутое поколение рождённых революцией, воспитанных на её идеалах объединено здесь редким именем-аббревиатурой. «Побиск» расшифровывается как «Поколение борцов и строителей коммунизма». Верстаков добавляет всего несколько оценочных слов, в которых и автор, и его герой вполне солидарны: «И высокое имя Побиска / он мне сам разложил на слова. // Поколение Октябрьской эры, *небывалой эпохи* Бойцы / и Строители *плоти и веры* / Коммунизма, как звали отцы» [3, с. 21] (выделено мной – С.К.). Обращаю внимание, что это стихи 2016 г. Скомпрометированные некогда идеалы в гражданственных выплесках Виктора Верстакова ожили в столь же искренней, простодушной форме, как это было 100 лет назад...

Сибирский поэт **Пётр Матюков** (р. 1971) открывает свою небольшую подборку с говорящим названием «*Это идёт страна*» полусновидческим стихотворением «*Видение*». В нём воспроизводится фантастическая сцена появления в ночном клубе наших дней начдива Красной армии В.И. Чапаева. Матюков с наслаждением описывает испуг охранников и клубных завсегдатаев, погружённых в «дурманы» и «розовые миры». Герой гражданской войны изображён как справедливый мститель пресыщенной публике, которую он расстреливает из пулемёта «Максим». И это для автора, судя по энергичной интонации стихов, торжество социальной справедливости, пусть только и в «видении»:

Чапаев не страшный одет не в чёрное нету при нём косы
Но строчит пулемёт строчит пулемёт смеётся Чапаев в усы
И пули летят размазанным веером в тела прожигают путь
Пули насквозь пробивают доллары толкают бумагу в грудь
Выходят из тела летят в офшоры в подставные счета
Строчит пулемёт и как бы считает тщета тщета тщета [8, с. 116].

Причина появления Чапаева в клубе – вести о России, нефти и Газпроме, которые ему «на дне» (видимо, реки Урала) были сообщены «одним утонувшим бобром». Не вдаваясь в подробности, поэт фиксирует собственные чаяния: раз вокруг воровство и разорение российских богатств – нужен Чапаев, нужна безжалостная месть. Стихотворение заканчивается неявной аллюзией на культовый пелевинский роман «Чапаев и Пустота», но с другим

знаком. Если у Пелевина Чапаев призывает Петра уйти из мира в Урал – «условную реку абсолютной любви», то матюковский Чапаев идёт мстить другим буржуям, и «дымный нимб» над ним говорит о том, что его дело правое:

И когда кончается пулеметная лента как припас на посту
Чапаев сворачивает самокрутку вдыхает дым в пустоту
Потом выходит в Московскую ночь тянется дымный нимб
И он идёт к новому клубу и Петька идёт с ним [8, с. 117].

Если вспомнить название всей подборки Петра Матюкова – «Это идёт страна», можно предположить, что фантазии автора отчасти отражают социальные настроения масс. Да не будет!..

Чувства ужаса от повторения истории можно избежать, если прислушаться к негромким голосам. В этом же номере «Нашего современника» в рубрике «Поэтическая мозаика», где с любовью подобраны стихи поэтов из разных уголков России (за это – низкий поклон редакции журнала!), напечатаны два текста ставропольской поэтессы **Екатерины Полумисковой** (р. 1968). В её спокойном, лишённом пафоса и напряжённости стихотворении о новом государственном празднике – Дне народного единства – и о старом православном – Дне Казанской иконы Божьей Матери, – которые отмечаются 4 ноября, звучат ноты мудрого размышления – несуетного, внимательного, глубокого. Чтобы не портить песни, приведу её целиком:

На Казанскую – холодно.
Ветер морозный,
триколором играя, полотнище рвёт
вопреки триединству.
Но... каяться поздно.
Оттого ли безмолвствует снова народ?

Ветру всё нипочём – бесшабашный проказник,
он по снежному городу мечется зря.
Был один – стал другой государственный праздник
в первых числах неистового ноября.

Не беда, что сегодня неймётся кому-то,
ведь родную историю вспомнить – не грех.
В знак того, что когда-то посеяли «смуту»,
нынче манною с неба срывается снег [9].

Стихотворение плотно начинено историческими и литературными аллюзиями. Здесь и пугачёвское «поздно мне каяться» из «Капитанской дочки», и пушкинский вердикт Смутному времени с его безмолвствующим

народом, и блоковский ветер из «Двенадцати», который рвёт на этот раз не плакат, а триколор, и всё примиряющий белый снег как манна... Финальные образы – всего пять строчек – закрепляют этот мотив мудрого, скорбного примирения, объединяя революционную символику (песню и цветок) с христианской:

И скорбим о былом...
Непривычно и дико.
Варшавянки мотив кто-то вспомнит не в лад.
И как будто не к месту алеет гвоздика.
И в Андреевском храме к обедне звонят [9, с. 162].

«Не в лад», «не к месту», а всё-таки помнится революционное прошлое под звон колоколов.

* * *

Таким образом, за 30 лет постперестроечного форматирования в поэтическом сознании произошёл некоторый сдвиг: от полного отрицания Октябрьской революции в 1987 г. поэты начала XXI в. извилистыми путями идут в разные стороны: кто по-прежнему вправо (А. Городницкий), кто влево (В. Верстаков, П. Матюков), кто вверх (Е. Полумискова). Существенная разница и в том, что рок-поэтов 1980-х гг. слышали все, а серьёзная поэзия XXI в. почти потеряла свою аудиторию. История пульсирует в её строках, запечатлевается словесным слепком мятежа и печали, но оседает на электронных и бумажных страницах без читательского отклика. В этом существенное отличие осмысления революционной темы от 1917 г. и 1987 г. Революция воспринимается современными поэтами как часть трагического прошлого, которая как-то влияет на русскую историю XXI в. и, не доминируя в ней, всё-таки формирует существенные стороны национального самосознания: жажду всемирного размаха в жизненном подвиге, мечту о справедливости и правде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева Л.Ф. Драматические сцены В.А. Сумбатова «Распятие»: проблема сопротивления злу // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2017. № 3. С. 57–68.
2. Башлачёв А. Стихи и песни [Электронный ресурс] // Библиотека Максима Мошкова: [сайт]. URL: <http://lib.ru/KSP/bashlach/bashtxt.txt> (дата обращения: 01.05.2017).
3. Верстаков В.Г. По диким окрестностям Иерусалима // Наш современник. 2016. № 12. С. 21–24.
4. Городницкий А. Стихи // Нева. 2017. № 2. С. 3–6.

5. Гребенщиков Б. Поезд в огне [Электронный ресурс] // SongStory. Истории создания песен : [сайт]. URL: <http://song-story.ru/poezd-v-ogne-akvarium/> (дата обращения: 01.05.2017).
6. Лосев В.В. О «русскости» Александра Башлачёва [Электронный ресурс] // Словесник: [сайт]. URL: <http://www.slovesnik.narod.ru/bash.html> (дата обращения: 01.05.2017).
7. Лосев В.В. Рок-поэзия // Русская литература XX века: учебное пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений: в 2 т. Т. 2: 1940–1990-е годы / Л.П. Кременцов, Л.Ф. Алексеева, Н.М. Малыгина и др.; под ред. Л.П. Кременцова. М.: Академия, 2002. С. 386–391.
8. Матюков П.Ю. Это идёт страна // Наш современник. 2016. № 12. С. 116–119.
9. Полумискова Е. Поэтическая мозаика // Наш современник. 2016. № 12. С. 161, 162.
10. Шевчук Ю. ДДТ – Революция [Электронный ресурс] // Megalyrics.ru : [сайт]. URL: <http://www.megalyrics.ru/lyric/ddt/rievoliutsiia.htm> (дата обращения: 12.07.2017).

REFERENCES

1. Alexejeva L. [Dramatic scenes of Vasilij Sumbatov's "The Crucifixion": problem of the resistance to evil]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya* [Bulletin of Moscow Regional State University. Series: Russian philology], 2017, no. 3, pp. 57–68.
2. Bashlachyov A. [Poems and songs]. In: *Biblioteka Maksima Moshkova* [Maxim Moshkov's Library]. Available at: <http://lib.ru/KSP/bashlach/bashtxt.txt> (accessed: 01.05.2017).
3. Verstakov V.G. [On the Wild Neighborhoods of Jerusalem]. In: *Nash Sovremennik* [Our contemporary], 2016, no. 12, pp. 21–24.
4. Gorodnickij A. [Poems]. In: *Neva* [Neva], 2017, no. 2, pp. 3–6.
5. Grebenshchikov B. [Train on fire]. In: *SongStory. Istorii sozdaniya pesen* [SongStory. Stories of creating songs]. Available at: <http://song-story.ru/poezd-v-ogne-akvarium/> (accessed: 01.05.2017).
6. Losev V.V. [About "Russianness" by Alexander Bashlachev] // *Slovesnik* [Slovesnik]. Available at: <http://www.slovesnik.narod.ru/bash.html> (accessed: 01.05.2017).
7. Losev V.V. [Rock Poetry]. In: *Krementsov L.P. et al. [Russian Literature of the XX century. Vol. 2: 1940–1990s]*. Moscow, Akademiya Publ., 2002, pp. 386–391.
8. Matyukov P.Yu. [This Country Is Coming]. In: *Nash Sovremennik* [Our contemporary], 2016, no. 12, pp. 116–119.
9. Polumiskova E. [Poetic mosaic]. In: *Nash Sovremennik* [Our contemporary], 2016, no. 12, pp. 161–162.
10. Shevchuk Yu. [DDT – Revolution]. In: *Megalyrics.ru*. Available at: <http://www.megalyrics.ru/lyric/ddt/rievoliutsiia.htm> (accessed: 12.07.2017).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крылова Снежана Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской литературы XX века Московского государственного областного университета; e-mail: sv.krylova@mgou.ru

Snezhana V. Krylova – PhD in Philological sciences, Associate Professor at the Department of Russian Literature of the XX Century, Moscow Regional State University; e-mail: sv.krylova@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ / THE CORRECT REFERENCE TO ARTICLE

Крылова С.В. Образ революции в поэзии рубежа XX–XXI вв. // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2017. № 3. URL: www.evestnik-mgou.ru.

Krylova S.V. The image of the revolution in poetry at the turn of the XX–XXI centuries. In: Bulletin of Moscow Region State University (e-journal), 2017, no. 3. Available at: www.evestnik-mgou.ru.